

Модели времени в истории

Александров Н.Н.

Наша работа построена на основе системогенетического подхода. В системогенетике есть два основных направления исследований, которые взаимосвязаны: генетическое и системное.

Генетический тип исследования предполагает наличие определенной логики разворачивания предмета исследования во времени его жизни, в пределе – реконструкцию его полного генезиса. Мы рассматриваем в третьей книге «Формула истории» некоторое множество взглядов на генезис в общем виде и совокупность возможных подходов к проблеме времени. Здесь же нас будет интересовать само *становление генетических взглядов*. В науке оно было связано с понятием «жизнь» предмета исследования, вот почему первые генетические взгляды оформились в биологии. Кроме того, генетические взгляды имели свои корни в философии и близких к ней областях, особенно – в философии истории.

Нельзя назвать ни одной цивилизации, которая не решала бы для себя на своем философском уровне проблемы *глобального генезиса*. Начиная с постановки вопроса *о причине* существования всего сущего и *цели бытия* человека, философская мысль не могла не задать определенного генетического ракурса картины мира. На материале истории мы проследим, как возникал набор генетических инвариантов: это происходило в моменты формирования нового ментального содержания, в начальные периоды в развитии цивилизаций и культур. Проведенный анализ позволяет нам выдвинуть такое предположение: существует достаточно ограниченный набор, своего рода *конечная морфология* генетических моделей-инвариантов мироустройства. Эта *морфология генетических инвариантов* обозначается как потенциал в начальные моменты становления всякого нового менталитета. Так, в китайской культуре периода

«Ста школ» данный набор просматривается с той же отчетливостью, что и в ранней греческой античности или в раннем византийском средневековье. В истории цивилизаций можно наблюдать *перемещение доминирования* от одного инварианта к другому, от одной точки зрения к другой, что составляет *процесс перемещения доминирования инвариантов в одном историческом цикле*.

Такая условная морфология генетических инвариантов в крупных исторических циклах, например в формационном цикле, «накрыта» некоторым единством, определенным «менталитетом формации». Наша задача – выявить некоторые предельно большие ментальные циклы и зафиксировать верхний уровень генезиса, назовем его *генезисом ментальных парадигм времени* в формационных циклах.

Мы рассматриваем историю человечества как идеально детерминированную. Причем можно наблюдать процесс *роста идеальной детерминации в истории*, что является самостоятельной проблемой, описанной в системогенетических работах А.И. Субетто (почти все они есть на АТ). Идеальная детерминация истории достаточно трудно ухватывается. Найти термин для ее фиксации на формационном уровне еще сложнее – это уже само по себе задает метод исследования.

В самом простом виде *менталитетом* можно назвать *совокупность символов, которая позволяет людям одной общности одного времени наделять одинаковые вещи одинаковым значением*. Попытки С.Э. Крапивенского объяснить понятие «менталитет» как духовно-психологический *облик* общества через уровни общественной психологии не кажутся нам убедительными: нельзя *целое* определять через устройство его *частей*. В то же время, он верно подчеркивает такие особенности менталитета, как глубинность, колоссальную инертность и невосприимчивость к искусственным воздействиям (хотя это качество уже понемногу отступает под напором проектной экспансии человека). Анализу самого понятия «*менталитет*», имеющего существенное отличие от

«общественного сознания» и прочих сходных понятий и терминов, мы посвятили параграф в нашей книге «Формула истории» и серии книг «Ментосфера» – все они опубликованы на АТ.

Если мы будем подробно рассматривать менталитет первобытно-общинного мира, то сможем выяснить: весь первобытный менталитет в пределе един и лишь видоизменяется на протяжении огромного периода человеческой истории. Менталитет есть то константное качество, которое позволяет нам говорить об этом периоде истории как о духовно едином. Для начала разговора необходимо выявить *конструкт* менталитета, а для выявления конструкта нам понадобятся *индикаторы*. Именно данной проблеме (конструкция менталитета и возможность его удержания при помощи индикаторов и маркеров) посвящена вся наша работа в целом. Опора на инварианты, удерживающие единство мировоззрения, по нашему мнению, позволяет *выделять крупные фазы развития человечества*. В данном случае мы начинаем разговор об инвариантах ментального времени.

Термину «менталитет» в трактовке М. Барга не хватает понятийной емкости для удержания предельно широкого поля исследований, которое необходимо рассмотреть нам. Только с очень большой натяжкой можно поговорить о такой предельной абстракции, как «менталитет человечества». Чтобы его определить, нам необходимо отличить "человечество" с его менталитетом от иных подобных (однородных) образований; здесь и начинается terra incognita. Вот почему вводимое нами понятие «*ментальных формаций*» является в некоторой степени условным, оно находится на пределе "несущих способностей" для такого термина, как «менталитет». *Менталитет рабовладельческой формации*, конечно же, различен в проявлениях разных цивилизаций и культур, а то общее и инвариантное, что его удерживает, невелико. Тем не менее, менталитет как качество существует, он константен на всем протяжении своего доминантного существования и обнаруживает себя при

помощи индикаторов пространства и времени, применяемых к ментальным циклам.

Таким образом, перейдя на позиции идеальной детерминации истории при помощи нашего рабочего понятия «менталитет», мы обнаружим определенную целостность: менталитет каждой ментальной формации предстает качественно единым – и некое константное качество удерживает границы этого «формационного менталитета». Во временном ракурсе формационный менталитет есть определенная фаза, этап становления человечества как целого, этап постижения мира через *меру этого цикла* и пределы этой фазы. Именно наличие такой общности позволяет выделять явления, близкие к тому, что Ясперс назвал «осевым временем истории». Разнообразие взглядов греков, китайцев, индийцев *одного и того же момента истории* охватывается общностью, удерживается мерой этого единого менталитета, одной совокупностью, единством качества. Современные научные дискуссии доказали, что менталитет как духовное качество не задается «способом производства», его эволюция не описывается экономическим детерминизмом. Ментальность формации удерживается, невзирая не только на экономику и ее уклад, но и на локализацию той или иной культуры, ее этническую специфику и т.д. Лучше всего это можно проиллюстрировать на примере истории античности.

Высказанные положения ориентировочные, они требуют многократного уточнения и доказательств. Но перед началом исследования нужно опираться на некоторую гипотезу, а затем – либо подтвердить, либо опровергнуть ее фактами. Суть нашей гипотезы в том, что ***человечество есть целое с самого первого своего проявления***. Это целое долго не осознает себя как целое, более того, действительное самоосознание может наступить лишь в конце «формационной истории», и само это осознание приходит как в виде идеи идеальной детерминации истории, так и в виде проектных подходов к эволюции. На всем протяжении истории человечество накапливало некий

идеальный багаж и пыталось с разных позиций *осмыслить себя именно как целое*: в этом состоит историческое предназначение философии и никакие новые подходы этого не отменяют. Становление человечества как целого идет через локальность и дифференцированность цивилизаций и культур ко всеобщности и интегрированности, а если говорить о философии, то важно отметить: она является в истории одним из основных полей синтеза такого рода предельных представлений. Они не обязательно имеют логический и рациональный характер; более того, синтез на иррациональной основе имел место в истории познания значительно чаще. Интегрирование ментальных представлений весьма сложная тема, и мы не будем затрагивать ее здесь вскользь.

Если встать на позицию познания *ментальных инвариантов*, то можно сказать, что для нас не имеет значения, какова основа их появления. В любом историческом цикле можно наблюдать, например, движение от рационального к иррациональному, которое потом снова и снова повторяется в других циклах. Это неизбежно, потому что так устроено само наше целое: односторонность и монизм философской парадигматики способствуют анализу, углублению частных представлений, но не способствуют синтезу, который обязательно строится на основе конфигурирования разных онтологий. И в последнем случае невозможно обойтись без тайны человеческой целостности, а она всегда иррациональна.

Итак, сейчас мы приступим к рассмотрению в менталитете первого ментального индикатора – времени. Он является составной частью **ментального хронотопа** – пространственно-временного континуума, предстающего в менталитете в качестве первоосновы. Данная основа может быть зафиксированной (в Библии, Коране, Ведах и т.д.), явной или неявной, но она всегда есть. *Отношение к проблеме времени* в любой ментальной конструкции является определяющим и задающим. Оно никогда не было

«естественным», как это пытаются представить некоторые исследователи. Это – идеальная искусственная конструкция, которая накладывается на ход жизни социума. *Точка зрения на время управляет сообществом людей* – и в этом смысле история человечества изначально была идеально детерминированной. Всякая власть – это власть над временем, вот почему, например, переход от церковного времени к светскому был таким трудным и достаточно кровавым: это был переход ментального доминирования, замена одного типа идеальной детерминации на другой. Пространственно-временные модели, «ментальный хронотоп», незримо присутствуют во всем, что совершается в той или иной культуре, в том числе и в экономике. И в этом сказывается то *обратное влияние культуры* на устройство общества и на экономику, которое и можно назвать принципом идеальной детерминации.

Изложенной системе взглядов противостоит экономический детерминизм. Мы далеки от того, чтобы марксизм упрощать до экономического детерминизма потому, что принцип идеальной детерминации истории присутствует у К. Маркса и входит в число его методологических приемов. Стройную «пятичленку» общественно-экономических формаций, как недавно обнаружилось, придумал отнюдь не К. Маркс, а лично товарищ И. Сталин – после социологической дискуссии 1928–1935 годов. Поскольку К. Маркс анализировал способы докапиталистического производства, он к такой «красивой» схеме не приходил – напротив, «азиатский способ производства» у него существует наряду с европейским феодализмом и «экономической формацией» не является. Впрочем, это все еще дискуссионный вопрос, и он нас в данном случае интересует меньше.

И способ устройства общества, и способ производства есть *производное от менталитета* данного времени. В некоторой мере они оказывают влияние на менталитет, но он никак не произведен от них. Взаимообусловленность не есть дуализм: *цикл задается* не набором орудий и средств производства, а все-

таки *набором идей*. Вряд ли орудия династии Цин сильно отличались от орудий греков, но вот исходные мировоззренческие положения фиксируют принципиальные отличия. И мы имеем *при одном и том же уровне развития орудий* производства разные типы общественного устройства. Модель управления обществом у Конфуция и модель управления у Аристотеля – это проявление их отношения к «ментальному хронотопу», разные проекты, созданные на разных основаниях. Если изучать только способы общественного устройства, то причина поменяется со следствием. Аристотель задумал эллинизм, Александр и его преемники реализовали проект, выдержав идеологию наставника, хотя и не конца. Точно так же проект Конфуция был реализован в Китае и точно так же стал идеологией. «Бытие определяет сознание» внутри ментального цикла, но смена циклов происходит отнюдь не за счет прогресса экономики. Наш ракурс – скачки качества, а не накопление количества.

Чтобы завершить тему "экономический детерминизм и ментальная детерминация истории", укажем, что эти два способа выделения оснований для периодизации истории, выступающие в качестве идеологии, расположены точно в разных концах цикла. Детерминизм рационалистичен, менталитет как "набор символов" почти иррационалистичен, по крайней мере, идеален. И если это – пара, то критиковать «предшественников» вполне естественно, но бессмысленно: они и их взгляды так же исторически неизбежны, как и необходимы. Мы будем стараться показать эту логику на примерах многочисленных «линий развития» в объяснении истории.

Наши дальнейшие шаги будут связаны не столько с анализом исторического материала, сколько с анализом «профильтрованных» разными исследователями «парадигм» времени в рамках ментальных циклов; понятие «парадигмы» здесь употребляются расширительно, а не в узком куновском смысле. По жанру это работа, которую можно долго развивать до фундаментальной: она страдает неполнотой, ее хочется продолжить и углубить.

Но, тем не менее, он задает некую канву, благодаря которой точка зрения автора отчетливо видна. Мы сконцентрируем свое внимание в последующих статьях на анализе *парадигм времени* – точек зрения на время, моделей времени, существовавших в истории. Как во всяком обзоре, в нашем случае можно выделить лишь некоторый ряд важных типов, набор которых, может быть, и не является исчерпывающим и окончательным.

* * *

В начале наших рассуждений сделаем одно весьма существенное методологическое замечание о генезисе менталитета в показателях *длительности и скорости (ускорения)*. Первобытно-общинное устройство общества, первобытная культура существовали настолько долго, что даже вообразить подобный ментальный цикл затруднительно, цифры есть у Тоффлера. Однако скорость изменений, развитие процессов шло в этом сообществе так медленно, что если мы возьмем весь исторический цикл – *длительность существования этого менталитета по отношению к скорости изменений в нем*, – то можем констатировать, что показатель тот же, что и сегодня, в нашем реактивно-космическом веке.

Это звучит несколько парадоксально до тех пор, пока мы не обратимся к конической модели истории: очень маленькая скорость на очень большом витке – и очень большая скорость на очень маленьком витке конуса, а в результате – константа. Вот почему, может быть, и существует в нашем сознании спиральная цилиндрическая модель истории с равномерными витками. Она *как бы суммарная*, она отражает удивительную константу, присущую менталитету. И тогда миллионы лет древности становятся сравнимы с текущим столетием. Для восприятия истории это очень существенно, ибо в корне меняет отношение к моменту времени, в котором мы живем.

Первобытные модели времени

В первобытном обществе путем длительных наблюдений была сформирована идея *кругового движения времени*, своего рода прототип всех учений и теорий вечных возвратов. Надо сказать, что в любых длительно существующих культурах, приобретающих стабильность, "вечные возвраты" несли идеологическую цементирующую функцию. Куда приятнее жить в стабильном, неизменном, понятном мире. Именно поэтому иногда происходит и обратный процесс: циклические парадигмы идеологически навязываются обществу с целью его стабилизации, особенно круговые парадигмы. И их следует различить: цикл предполагает длительность с некоторыми фазами, и его простейшей моделью может являться виток цилиндрической спирали. Сама закономерность появления такой модели уже предполагает освоение аппарата геометрии и стереометрии. Простейшая редукция подобного простейшего цикла — *круг, то есть одна из проекций цилиндрической спирали на плоскость*. Круг носил универсальную объяснительную функцию, тесно связанную не только с понятием времени, но и символикой, например Солнца. Эта многозначность (наложение пакета) символов вообще есть замечательное свойство первобытного синкретизма. Может быть, поэтому первобытная культура, с ее синкретизмом, столь импонирует всем символистам всех времен и народов.

Но не стоит недооценивать первобытную культуру, сводя понимание времени в ней исключительно к круговому. Она владела и более сложным понятием спирали, изображаемой и плоско, и конически (спираль типа раковины). Плоская проекция конической спирали — расходящаяся спираль в плоских орнаментах— была излюбленным знаком древних. Достаточно сказать, что знаменитый "греческий узор" есть та же спираль (кстати, удвоенная), выполненная прямыми линиями: это — древний след в античном времени. Особенно поразительны древнекитайские памятники, где четко различаются по смыслам конвергентная и дивергентная ("левая" и "правая") спирали.

Нам сейчас очень трудно, а то и невозможно вообразить себе, насколько первобытный человек не отделял себя от рода-племени, а свое племя — от природы. Неотделимость "Я" от "Мы" лежала в основе синкретизма [391]. Уже на ранних стадиях формирования менталитета исследуется время и ищутся способы овладения им: еще до возникновения "первобытного искусства" и ранней письменности существовали *календары*. Вначале употреблялся лунный календарь, затем — солнечный и звездный. В последнее время этому посвящено множество гипотез — и остроумных, и спекулятивных, например по поводу Стоунхенджа.

Поскольку люди вели свое происхождение от животных, то и космические явления постепенно осознавались как живые существа, как другие, небесные, животные. Отсюда — "*зодиакальные круги*" (от "зоо" — "животное"), вариантов таких кругов в истории было множество. Астрология, упорно возрождающаяся каждый век, и в нашем десятилетии тоже успешно возродилась и привила нам почти забытую культуру самоидентификации со "звездным зверем" заново.

Наблюдение восходов и уходов светил и звезд приводили к идее существования некоего *абстрактного цикла, цикла вообще* (хотя для абстрагирования нужен был качественный шаг). Первые шаги были сугубо эмпирическими: вычленились важнейшие *для деятельности* (выживания) *природные циклы*. Выделение годового цикла (колеса времени), столь естественное сегодня, можно считать огромным ментальным достижением первобытной культуры, сравнимым с открытием разве что колеса.

Можно зафиксировать, что в первобытном сообществе идея цикла приобрела свойства инварианта, но в пределе инвариант был круговым, хотя наряду с кругом возник и инвариант спирали, что отражено в сакральных узорах. Наконец, первобытная диалектика вычленила *инвариант двух спиралей* (по типу ДНК), который стал практически основным для всех без исключения

древних “сверхзнаков”. Это подробно исследует Н. Шмелев. Нам представляется, что древние модели времени и пространства только *по видимости* отталкиваются от натуральных моделей, но вовсе не сводятся к ним. Между раковиной и конической моделью времени есть аналогия, между двумя свитыми веревками и спиралью ДНК — тоже, но это уже очень высокий уровень абстракции инвариантов, связывать которые мы не вправе. Истины мы здесь не узнаем никогда.

Обобщая, можно сказать, что первобытный “циклизм”, по К. Леви-Строссу, носил характер, неотделимый от природы: человечество шло по пути выделения *актуальных циклов* природы. Если говорить о системе символов, через которую можно прочесть ментальные основы, то мы вправе предположить вычленение и самостоятельное существование как минимум трех временных инвариантов: *круга, спирали, двух свитых спиралей* (“две змеи” — кадуцея, представляют из себя конические спирали). Познание и овладение природой и ее пульсирующим временем не могло пока продвинуться дальше, чем за цикл длительностью в две-три человеческие жизни. Даже в архаической Греции этот временной интервал еще сохранялся в качестве ментальных пределов — и все события, бывшие в истории “до дедов”, одинаково считались древними. Поэтому при наличии в менталитете познанных универсальных инвариантов они удерживались в пределах максимум столетнего цикла, после чего их первоначальный смысл терялся, и приходилось его восстанавливать герменевтическими приемами.

Неразвитые сельскохозяйственные страны и поныне продолжают сильнейшим образом зависеть в малых ментальных циклах от циклов природы, что выражается и в их истории, и в их культуре. Известнейшее произведение Г. Маркеса “Сто лет одиночества” отражает восприятие в латиноамериканской культуре того же столетнего цикла, который характерен и для России, — “век вековать”. Это — природный цикл Солнца, описанный А.Л. Чижевским.

Отчетливость русских столетних циклов фиксируется целым рядом исследователей. Они проявляются и в культуре, и в политике, но это именно малые, а не крупные ментальные циклы. Крупные циклы имеют всеобщий характер и связаны с заданием новых принципиальных парадигм. В этом смысле они проектные. Например, подобным проектным началом для запуска большого цикла нового менталитета в России послужило принятие христианства. Постоянные природно-ментальные циклы как бы “держат на себе” эти большие “проектные” циклы.

То новое, что возникло в деятельности первобытных людей, связано с *проективностью, прогнозом и проектом* будущего на основе как конкретных знаний, так и идеальных инвариантов. Первобытная магия стала значительным шагом в развитии социума, предшественницей и религии, и, в определенном смысле, науки. Это известно, но мы здесь коснемся слабо отраженного в литературе факта: суть проективности первобытной магии состоит в попытке *изменения естественного хода событий* при помощи заклинаний в нужном для себя направлении. У заклинания есть целевая функция и есть проект результата. Поскольку человек себя воспринимает как некое животное, ему жизненно важно наделить себя силой, ловкостью, хитростью, быстротой, неуязвимостью. Это уже олицетворенный мир, но раннее мифологическое олицетворение не различает отдельно животное и отдельно человека. В известном смысле первобытное изображение имеет четко выраженную магическую функцию: *изображение есть двойник* тела и души животного. В последующей египетской культуре эти качества двойника переносятся на скульптуру человека. Овладение оболочкой и изображением есть одновременно и овладение душой животного. Синкретизм делает первобытное изображение частью магических ритуалов. Ментальной сутью ритуалов является *овладение временем, удержание прошлого и проектирование будущего*.

Мы постоянно говорим о двух линиях, даже о двух взаимодополнительных спиралях в менталитете — назовем эту модель “ментальный ДНК-хронотоп”. Есть она и в первобытном мире: оседлые и кочевые линии в развитии цивилизаций различаются ментально как дополнительность — отношением к пространству, но в хронотопе различается и время в разновидностях менталитета. Это хорошо видно на переходах, когда возникают их “смеси”.

Таким образом, первобытный менталитет уже имел потенциал (идеальные модели в менталитете) для обращения его на управляемость обществом, но был еще жестко привязан к природным циклам. Первый сдвиг происходит в *переходную эпоху* “военных демократий”, которые не могли не задать кроме природной и иную парадигматику времени потому, что стали первым крупным новым сообществом людей, построенном на ином принципе, нежели весь первобытный мир до того. Это видно на примере истории скифов, где произошло наложение на природный цикл совершенно нового ментального цикла иной длительности, что отразилось в их удивительно динамичном и монументальном искусстве, в котором *время и его природные циклы* играют особую роль наряду с *перемещением в пространстве*.